

УДК 39;572

Т.В. Волдина

О методологических возможностях изучения ритуальных практик с опорой на исследования С. Криппнера в области антропологии сознания

Аннотация. Проблема исследования шаманских и других магико-мистических практик является одной из сложнейших в современной этнографической науке. На примере изучения в течение длительного времени ритуально-обрядовой культуры обско-угорских народов можно увидеть недостатки в этой сфере, вызванные определенными мировоззренческими установками исследователей. В настоящее время эти вопросы изучаются представителями медицинской антропологии и тесно соприкасающейся с ней антропологией сознания. Статья знакомит с основными методологическими положениями в исследованиях шаманских традиций видного представителя этого современного научного направления – Стэнли Криппнера.

Ключевые слова: магико-мистические практики, духовная культура, обские угры, медицинская антропология, антропология сознания, шаманизм, С. Криппнер.

T.V. Voldina

About methodological opportunities to study the ritual practices based on research by S. Krippner in anthropology of consciousness

Abstract. The problem of studying shamanic and other magical-mystical practices is one of the most complexes in modern ethnography. For example of the study of ritual and the ritual culture of the Ob-Ugric people for a long time, you can see the flaws in this area caused by certain world outlook researchers. For example the study of ritual and ceremonial culture of the Ob-Ugric peoples for a long time, possible see the flaws in this area caused by certain world outlook researchers. At present these questions are studied by representatives of medical anthropology and are closely connected with her theory of anthropology of consciousness. The article introduces the main methodological provisions in studies of shamanic traditions, the prominent representative of this modern scientific direction Stanley Krippner.

Keywords: the study of magical and mystical practices, spiritual culture, the Ob-Ugric people, medical anthropology, anthropology of consciousness, shamanism, S. Krippner.

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МАГИКО-МИСТИЧЕСКИХ ПРАКТИК НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ТРАДИЦИЙ ОБСКИХ УГРОВ

Научное изучение сохранившихся мифологических представлений, верований, ритуально-обрядовых практик, народной медицины, а также связанный с ними индивидуальный мистический опыт этнофоров, требует особых подходов и глубокого понимания их значимости как для сохранения и развития конкретной традиционной этнической культуры, так и для познания основ мировой человеческой культуры в целом.

Традиционная духовная культура обско-угорских народов впервые стала изучаться христианскими миссионерами

еще в XVIII в. Такое изучение по сути своей мало чем отличалось от оставленных в письменных источниках суждений о славянском язычестве в период утверждения православия на Руси, где клеймились исконные традиции, навешивались ярлыки, охаивалось стремление придерживаться существовавших в народе обрядов и обычаев. Такой подход объясняется задачами официальной религии, выражающимися в стремлении вытеснить и уничтожить пласт народной духовной культуры. Красноречиво об этом, например, свидетельствует поясне-

ние к заглавию первого труда по культуре хантов, написанного в 1715 г.: «...о жизни, обычаях и пребывании сего остяцкого народа тожде их преждном злочестии кумирслужения, о обращении в православную благочестивую христианскую веру...» [1, 19].

Христианская идеология оказала непосредственное влияние и на последующие исследования отечественных авторов, изучавших традиции обских угров в XIX – начале XX вв. В их работах характеристики традиционного мировоззрения коренных народов Югры давались зачастую идентично миссионерским, хотя уже не в столь резкой форме. Например, в работе А.А. Дунина-Горкавича, относящейся к началу XX в., можно встретить такие высказывания: «Что касается суеверий, то все мировоззрение остяка проникнуто ими. Детский ум его не может понять надлежащим образом окружающих его явлений...» [2, 95]. Разрушительное воздействие на традиционную культуру обских угров, включая их верования и обряды, имело негативное отношение к ней официальных властей того времени, о чем свидетельствует описанный Дуниным-Горкавичем следующий факт. Для судебно-медицинского осмотра в 1902 г. была совершена эксгумация трупа сургутского ханта. В захоронении наряду с медным крестом был набор традиционных вещей, некоторые из которых могли носить ритуальный характер. Решение мирового судьи было следующим: «Сообщая о вышеизложенном, прошу все те предметы, которые не могут быть по обряду христианского погребения положены во гроб вместе с трупом Курлыкина, выдать его наследникам» [2, 97]. Этот вопиющий, с нашей точки зрения, случай не вызвал в исследователе никакого осуждения.

Со второй половины XIX – начала XX вв. к обстоятельному изучению богатств духовной культуры остяков и вогулов приступили финские и венгерские исследователи. Движимые желанием пролить свет на истоки собственной культуры и

всего финно-угорского сообщества, они смогли внести наиболее весомый вклад в изучение культурного наследия обских угров. К одним из самых ранних публикаций о культуре ханты и манси за рубежом можно отнести путевые заметки финского лингвиста А.Э. Алквиста, посетившего северо-западную Сибирь в 1858, 1863 и 1883 гг. Состояние изученности угорских духовных традиций в этот период он справедливо охарактеризовал так: «Остяцкая теология и мифология в высшей степени запутана, по крайней мере в том виде, как она изображена авторами, писавшими об этом. Чужому чрезвычайно трудно проникнуть в религиозные воззрения остяка; кроме того, он становится чрезвычайно замкнутым и осторожным, как только ему задают вопрос о религиозных вещах. Поэтому не удивительно, что путешественник узнает мало надежного и списывает у другого то, что считает нужным сообщить читателям об языческом учении о боге. Главным источником знаний об этом являются рассказы священника Вологодского, который в начале века находился в остяцкой стране и писал о господствующем здесь шаманизме... Из этого описания может исходить большая часть того, что находишь у более поздних авторов» [3, 159–160].

Через ранние смерти венгерских ученых, изучавших (зафиксировавших, расшифровавших и подготовивших к публикации) сакральные тексты обских угров, связывалась их коллегами с научной деятельностью данных исследователей. Эти трагические события способствовали в последствии более осторожному обращению с духовным наследием обских угров в финно-угорском научном сообществе. В предисловии к III тому «Библиотеки Регули» с публикацией хантыйских героических песен, подготовивший его к изданию Д.Р. Фокош упомянул о скоропостижных смертях своих предшественников – А. Регули, Й. Папай и М. Жираи. Он рассказал, как «обеспокоенная судьбой такой дорогой и великолепной коллек-

ции», Венгерская академия наук совсем не случайно поручила ее ему – человеку старше семидесяти лет. Он писал, что тоже может «разделить ужасную судьбу» своих предшественников во время этой работы, но все-таки надеялся на счастливый случай, чтобы целиком и полностью закончить эту работу [4, 7–8].

В советское время в России сложилась новая официальная идеологическая система, основанная на философии марксизма-ленинизма, что также наложило отпечаток на изучение сакральной стороны культуры ханты и манси. Как и в предшествующий период, «борьба с религиозными пережитками» имела место в деятельности учёных-этнографов, влияла на их выводы при проведении соответствующих исследований. Несмотря на воздействие мировоззренческих установок ученых-этнографов и краеведов относительно проводимых ими исследований обско-угорских духовных традиций, отмечаем, что это ни в коем случае не умаляет значения их трудов, вышедших в предшествующие периоды и не теряющих своей научной ценности сегодня.

В начале 1990-х гг., когда произошел слом советской идеологии, освобождение от официальной догматики положительно сказалось на изучении духовной тематики. В этнографии обско-угорских народов появляется целая плеяда исследователей, представленная носителями культуры, которые пришли в науку на волне подъема национального самосознания. Это группа ученых сложилась под научным руководством известного этнографа-сибироведа Н.В. Лукиной, в Научно-исследовательском институте социально-экономического и национально-культурного возрождения обско-угорских народов (прежние названия – НИИ обско-угорских народов, НИИ угроведения, в настоящем – Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок) в Ханты-Мансийске и Научном центре гуманитарных исследований коренных малочисленных народов Севера в Салехарде.

Богатейшее духовное наследие обско-угорских народов стало одним из объектов изучения представителями этих народов. Наибольшее внимание было уделено фольклору, сохраняющимся мифологическим представлениям, культуре медведя и медвежьим игрищам, семейным обрядам, традиционной этике.

Изучение ритуально-обрядовой сферы требует очень бережного отношения, глубокого понимания ее важности для существования самой культуры. Именно такое отношение присуще самим носителям культуры, пришедшим в науку на волне роста национального самосознания. Неразрывная связь исследователя и культуры, которую он изучает, наносит определенный отпечаток на характер его исследований и на выводы, которые он делает. Те, кто вырос в традиционной среде, обладают общим пониманием, скорее даже чувствованием родной культуры. Несмотря на существующую строгую регламентацию, табуированность сакрального, у исследователей данного круга есть возможность зафиксировать ценную информацию, которую обычно не рассказывают посторонним. Как правило, они стараются следовать обычаям, соблюдения которых требует от них живая народная традиция [5, 97–101]. Материалы представителей обско-угорских народов значительно обогатили этнографическую базу знаний о традициях родных культур, прежде всего, о духовной сфере. Как констатировала в свое время Н.В. Лукина, «в этнографию влился мощный поток нового знания», «для науки наиболее важно то, что благодаря исследованиям самих носителей культуры, она получила значительное вливание нового знания, не доступного сторонним исследователям» [6, 27; 6, 147].

В то же время нельзя не отметить и определенные недостатки в работах исследователей из числа обско-угорских народов. Их работы, особенно в начальный период, зачастую имеют описательный характер. Это связано с проблемой недо-

статка у исследователей – представителей обско-угорских народов – теоретических знаний. Многие, пришедшие в науку в основном из учреждений образования и культуры, не прошли специальную научную подготовку. А существовавшие в советский период подходы к изучению духовной культуры, как правило, вызывали у них заслуженное отторжение, т.к. были

не приемлемы для изучения обозначенной области.

Более подробно проблема записи и интерпретации сакральных сведений рассматривалась нами ранее [7]. В настоящее время проблема поиска методологической основы исследований в области сакрального в культуре обских угров по-прежнему остается актуальной.

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ СОЗНАНИЯ

Этнологические исследования маги-ко-мистических практик в традиционных культурах все чаще имеют интердисциплинарный характер – с применением наработок таких наук, как философия, психология, история, социология, медицина и т.д. В настоящее время шаманские и близкие им магические ритуалы, а они имеют прямое отношение к этномедицине, относят к предмету изучения медицинской антропологии, активно развивающейся с 1970-х гг. Изначально она развивалась в США и Великобритании, а в последние годы получила свое распространение и в нашей стране.

Эта научная дисциплина тесно соприкасается с антропологией сознания. «В теоретическом отношении многие вопросы, рассматриваемые в русле медицинской антропологии, непосредственно переходят в сферу антропологии сознания», – отмечает возглавляющая это направление в России антрополог, д.и.н., к.ф.н. В.И. Харитоновна. – «Предметной областью этого направления является изучение феномена человеческого сознания в контексте различных мировых культур и практическое применение полученных знаний для решения проблем психического здоровья современного человека» [8, 7].

Антропология сознания заявила о себе как о самостоятельной дисциплине внутри системы антропологических знаний, однако ее предмет и методологические подходы также были заимствованы из социальных и медицинских наук. О формировании и развитии данного научного направления под-

робно рассказано в статье Е.С. Питерской «Антропология сознания и медицинская антропология: пересечение интересов или возможности взаимодействия», характеризуя которые она пишет следующее: «Учитывая относительную молодость антропологии сознания и медицинской антропологии как отдельных отраслей знания, можно сказать, что они обладают высоким потенциалом развития. Несмотря на обилие опубликованных работ, тематика антропологии сознания еще далеко не исчерпана, а предметная область продолжает расширяться по мере углубления академических исследований и вовлечения новых подходов, более характерных для смежных дисциплин» [9, 29]. Основные интересы специалистов по антропологии сознания, согласно мнению Е.С. Питерской, «свелись к следующему, весьма широкому спектру:

– состояния сознания: нормальное и «измененное», сон, одержимость, транс, диссоциация...;

– психофизиология, психотерапия, культурная психология;

– шаманизм, религии Запада и Востока, традиционные верования аборигенных народов, целительские практики, мистический и трансперсональный опыт, магия;

– психоактивные вещества: изучение специфики использования психоактивных растений в традиционных обществах и современных условиях, этнофармакология, целительство, привыкание (к лекарственным средствам) и восстановление;

– философское, символическое и лингвистическое изучение явлений: миф, уст-

ная традиция, архетипы, тело и разум;
– аномальный опыт: психические феномены, реинкарнация, околосмертные переживания» [9: 24].

Значительную роль в становлении антропологии сознания в США и в других странах сыграли труды доктора философии, профессора психологии Сэйбрукского университета Стэнли Криппнера, знакомство с которыми может вывести изучение духовных традиций, в том числе и обско-угорских, на новый уровень.

С. Криппнер имеет непосредственное отношение к такому научному направлению, как гуманистическая психология, которое зародилось в США в 1960-е гг. и объединило философов, психологов, социологов и педагогов – «всех тех, кто искал более позитивные и жизнеутверждающие методы анализа и изучения целостной природы психической жизни человека» [10, 162]. Это направление оформилось в Американскую ассоциацию за гуманистическую психологию (с 1970 г. – Ассоциация за гуманистическую психологию), которая осуществляла широкую международную деятельность. Являясь активным членом ассоциации, С. Криппнер посетил в 1971 и 1972 гг. СССР, положив начало сотрудничеству с советскими учеными. В 1978 г. он стал Президентом ассоциации [10, 163]. Позднее он побывал с рабочими поездками на всех континентах земного шара, кроме Антарктиды, посетив около 30-ти стран [11].

Общество антропологии сознания основано на первом междисциплинарном симпозиуме по антропологии и психологии, состоявшемся в 1974 г. на ежегодном съезде Американской антропологической ассоциации. Оно ежегодно проводит конференции на тему аномальных явлений в разных культурах. В ходе одной из них С. Криппнер указывал на сложность изучения магико-мистических практик и на то, что многие исследователи, их изучающие, получают опыт, не вписывающийся в реалии обычного: «Спорная природа шаманских феноме-

нов отбила охоту у большинства исследователей не только изучать их, но даже и писать о них. Антрополог Баркер (1980), рассмотрев специальную литературу в поисках сообщений о таких аномальных феноменах, практически ничего не нашел». После этого два исследователя Янг и Гуле в своей книге с соответствующим подзаголовком «Антропология опыта» (1994) собрали рассказы антропологов, в которых утверждалось, что они были свидетелями таких аномальных событий, как отделение духа от тела и биолокация; серьезно рассматривали утверждения о реинкарнации» [12, 47].

В России проблемы, которые изучает антропология сознания, также исследуются давно и активно, особенно при исследовании сакральной составляющей культуры. Прежде всего, это относится к работам под руководством В.И. Харитоновой, проводимым первоначально в Центре по изучению шаманизма и иных верований и практик Института этнологии и антропологии РАН, а в настоящее время – в созданной на его основе научно-исследовательской группе медицинской антропологии. Она объединила широкий круг исследователей. В 2013 г. по ее инициативе создана Ассоциация медицинских антропологов.

С 1995 г. В.И. Харитоновой было положено начало изданию международной серии научных работ «Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам», в которых нашел отражение «интердисциплинарный (теоретический и научно-практический) подход к изучению сложных проблем и явлений, отраженных в традиционных верованиях и практиках» [13]. В 2003 г. был проведен специальный международный семинар на тему: «Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов». Директор ИЭА РАН В.А. Тишков охарактеризовал его как «возможность диалога, обмена результатами исследований, идеями ... трех течений,

трех потоков: российской этнологической школы, представителей «малых культур»... и представителей мировой или ... западной культуры» [13]. [13; 14]. В 2004 г. состоялся Международный интердисциплинарный научно-практический конгресс «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных”», который также внес вклад в изучение сакральной сферы культуры, в выработку новых подходов к ее изучению

[15; 16].

Особое значение в этом плане имеют тематические блоки в «Этнографическом Обзрении» по изучению сакрального, подготовленные группой медицинской антропологии ИЭА РАН. Там представлены специальные темы: «“Свой” этнограф в российском сакральном “поле”» [17] и «Теоретические проблемы в исследовании шаманизма» [18].

ВКЛАД СТЭНЛИ КРИППНЕРА В ТЕОРИЮ ИЗУЧЕНИЯ ДУХОВНЫХ ПРАКТИК

Американской психологической ассоциацией отмечены следующие достижения Криппнера: «расширение границ психологических исследований сознания (включая сновидения, гипноз и аномальные феномены); донесение туземных традиций мировых культур до западной психологической аудитории; достижения в использовании психологии как миротворческого инструмента; стандарты научных исследований; воспитание нескольких поколений студентов; щедрость, с которой он делился своими профессиональными знаниями с учёными из двух дюжин стран» [19]. С. Криппнер внёс значительный вклад в развитие целого ряда направлений психологии. Кроме упомянутой гуманистической психологии, к ним относят также трансперсональную психологию, психологию религии и др. Им опубликованы десятки монографий по разным темам, около 100 глав в сборниках и около 1000 статей в академических журналах. В свое время, он справедливо полагал, что в будущем различные направления психологической науки станут более интердисциплинарными.

По мнению С. Криппнера и его коллег, сегодня граница между трансперсональной психологией и психологией религии постепенно стирается, что внешне выражено в призыве ряда психологов расширить область психологии религии и переименовать ее в «психологию религии и духовности» [20].

Всемирную известность С. Криппнер

получил благодаря своим исследованиям изменённых состояний сознания, сновидений, гипноза, диссоциации, шаманизма и парапсихологических феноменов. Изучая культуру индейцев, их историю и мифологию, он посетил множество стран Латинской Америки, где обучался у индейцев народным целительским практикам, а также исследовал сновидения [21].

Понятие «духовное» (англ. spiritual), «спиритуальное», по мнению С. Криппнера, может применяться для описания тех аспектов человеческого бытия, в которых отражается предполагаемое существование трансцендентных сфер, сверхъестественных сил, внушающих трепет и управляющих жизнью людей. «Духовное измерение человеческого существования проявляет себя там, где присутствует более широкий взгляд на жизнь, чем просто удовлетворение ежедневных бытовых потребностей и материальных нужд». Он также приводит определение духовности, которым пользуется подразделение Калифорнийской психологической ассоциации по изучению духовности и психотерапии: «Духовность – это смелость, позволяющая заглянуть внутрь себя и верить». «То, что при этом оказывается увиденным и во что человек верит, дает ему глубокое ощущение принадлежности, целостности, включенности, открытости бесконечному». Но надо помнить, что «духовность» не является синонимом «религиозности», поскольку религия несет в себе элемент организации: последователи

религиозного учения разделяют общие верования, придерживаются характерных для данного вероисповедания обычаев и обрядов. Однако те, у кого их вера и соответствующие правила поведения интернализированы, как правило, обладают и духовностью. С другой стороны, можно быть духовным, не будучи религиозным (в смысле принадлежности к определенной церкви)» [22, 119–120].

В одной из своих работ он поддерживает тезис о том, что представители каждой культуры конструируют свой сознательный опыт в соответствии с категориями, определяемыми нормами их родного языка (лингвистической системы). В связи с этим особый интерес для специалистов, занимающихся изучением сознания, могут иметь нарративные истории жизни пациентов. Как отмечает Е.С. Питерская, «одним из первых в своей области С. Криппнер призвал не маркировать особые состояния сознания, такие как воспоминания из прошлой жизни, околосмертные переживания, перерождение, внетелесные переживания в качестве «паталогических», не вешать на них ярлыки «галлюцинации», «симптомы шизофрении», «мания», а наоборот подходить к их анализу с точки зрения уникальности данного жизненного опыта пациента» [23, 27]. Он пишет: «...каждому индивиду присуща система верований, или персональный миф, объясняющая, как можно сохранить здоровье или преодолеть болезнь. Такой персональный миф обязательно имеет спиритуальное измерение, поддерживаемое социальным контекстом». Он иллюстрирует это на примере индейцев: «До тех пор, пока духовная практика удовлетворяет личную потребность в общественном признании, саморазвитии и служении, это будет сохраняться» [24, 135–136].

При организации и исследовании явлений, имеющих психологический характер, С. Криппнер обращает внимание на необходимость помнить основную аксиому: «Научное знание невозможно без сопоставления», а также о вытекающих из нее

трех базовых предпосылок: это неточность измерений в психологии по сравнению с физикой или биологией; большое число переменных при изучении психологических феноменов, многие из которых относительно независимы; эти переменные различны во времени [25: 47].

На протяжении нескольких десятилетий вызывает интерес тема измененных состояний сознания (ИСС). С. Криппнер обращает внимание на то, что разработан ряд методов для измерения «измененных состояний сознания», например, «податливость гипнозу», «степень гипноза», «глубина погруженности» и склонность к «диссоциации». «Кроме того, интервью можно подвергнуть лингвистическому анализу, контент-анализу и феноменологическому анализу – все они в каком-то смысле дадут возможность измерения. Например, существует ряд способов измерить содержание сновидений или ментальных образов, делая сопоставления между различными группами субъектов». Далее он отмечает: «В науке «факт» – это констатация продемонстрированной взаимосвязи между двумя и более переменными. Однако чтобы понять смысл «фактов», ученые должны располагать контекстом сравнительных взаимосвязей: именно он поможет установить научное значение данных». Набор сравнительных отношений и контекст наблюдения, утверждает С. Криппнер, придают более полный смысл констатации взаимосвязи между переменными. «Этот контекст сравнительных взаимосвязей – область исследовательской методологии и замысла». Он вводит понятия «внутренняя валидность» и «внешняя валидность» исследовательского замысла. Внутренняя валидность исходит от одной из задач науки: понять, как и почему складываются взаимосвязи, необходимости установления силы, величины и причинной направленности взаимосвязей. Внешняя валидность – обобщение этих отношений и любых причинно-следственных формул, из них вытекающих, с другими похожими ситуациями или похожими

организмами [25, 47–48].

Отдельное место в работах С. Криппнера занимает тема шаманского состояния сознания и его роли в целительской практике. Автор комплексно исследует шаманизм и измененные состояния сознания, используя подходы нейрофизиологии, анализ сенсорной активности, социальное конструирование, анализ дискурсов, методы культурной психологии, данные фольклористики, мифологии и символизма [26, 27].

Он пишет: «Первобытные модели, по крайней мере, частично носят – спиритуалистический характер, поскольку включают более широкое представление о смысле жизни, не ограничивающееся непосредственными повседневными физическими потребностями; согласно им, трансцендентная реальность «другого мира» принижает обычную реальность. ... Эти элементы ... являются основой шаманства и целительства» [27, 122].

Вслед за другими психологами, близкими ему по взглядам, С. Криппнер проводит различие между явлениями аномальными и «сверхъестественными»: «Последние, если они существуют, по определению выходят за рамки законов природы и даже противоречат им или приостанавливают их действие. Что же касается явлений аномальных, то исследователи (включая психологов) считают их природными, но не получившими пока научного объяснения (в рамках нынешнего или скорректированного научного мировоззрения). Между тем «сверхъестественные» события – если они существуют – противоречат законам природы, непредсказуемы и не поддаются человеческому пониманию». С. Криппнер приводит определение термина «магия», предложенного М. Малиновским, как обозначение прикладной технологии, используемой для воздействия на сферы, которые общество считает непредсказуемыми, неопределенными или необъяснимыми. Также он приводит пояснение М. Винкельмана о том, что если «магия» представляет «есте-

ственные» принципы (например, фокусы, атрибуцию, аномальные явления, которые, в принципе, могут объясняться законами природы), она поддается психологическому исследованию. Но если магия опирается на «сверхъестественные» источники, она не подлежит научному исследованию, по крайней мере, в его сегодняшнем понимании. В обычном словоупотреблении «магию» совершает человек, а «чудеса» – так называемые сверхъестественные силы (например, духи и божества). По мнению С. Криппнера, «магические» практики и явления поддаются научному исследованию, ибо основаны на «законах природы» [28, 46–47].

Как считает С. Криппнер, многие, если не большинство, сообщений об аномальном опыте шаманов имеют под собой простые объяснения. Пересказываемые на протяжении многих лет истории обычно приукрашиваются и обрастают новыми деталями. Шаманы могут использовать совпадения, приписывая им особое значение. Нужно помнить, что «в шаманском мировоззрении воображение и сновидения столь же «реальны», сколь и видимые события; люди, слушая их, не всегда могут отличить одно от другого. С. Криппнер обращает внимание на то, что «шаманы были не только первыми целителями, но и первыми фокусниками. Они осознали, насколько сильно драма, шок и неожиданность способны мобилизовать возможности клиентов в самоисцелении, и стали вводить эти элементы театральными средствами» [28, 54].

Для удобства в применении на практике ниже представлена таблица методов изучения аномальных практик и явлений. Она составлена на основе статьи С. Криппнера «Методы психологического исследования и сообщения об аномальных явлениях в практике шаманов» [28]. Таблица позволит исследователям, особенно начинающим, более осознанно и внимательно относиться к изучению явлений, соприкасающихся с областью сакрального.

Метод	Преимущества метода	Недостатки метода	Принципы
<p>Интервью участников и рассказы очевидцев</p>	<p>1. Помогают представить феноменологию аномального явления.</p> <p>2. Дают ценную информацию о жизни и верованиях коренных народов.</p>	<p>1. Редко позволяют определить причинно-следственные взаимосвязи.</p> <p>2. Содержат недостаточно информации, по которой можно проверить, не были задействованы неординарные факторы (когда респондент может лгать, говорить метафорическим языком, приукрашать событие; либо быть жертвой галлюцинаций, заблуждения, самообмана или ошибки памяти).</p>	<p>Интервьюер должен быть обучен, чтобы случайно не выдать интервьюируемому, что от него «ожидается», или что интервьюер «хочет услышать».</p>
<p>Неформальные и непосредственные наблюдения</p>	<p>1. Отчет ценен тем, что описывает поведения шамана в полевых условиях.</p> <p>2. Очень интересны и показывают, в каких направлениях можно вести дальнейшие исследования.</p>	<p>1. Сами по себе ничего не доказывают, ибо у читателя нет возможности проверить их достоверность.</p> <p>2. Не известно, сколько среди наблюдаемых автором явлений было «неудачных попыток» (например, сколько сновидений предоставили неточную информацию, сколько клиентов шамана не получили полезных сведений о своих жизнях и проблемах; во многих случаях «попадания» так впечатляют клиента, что он забывает о промахах и игнорирует их).</p>	<p>1. Наблюдатель должен обладать навыками критического анализа.</p> <p>2. Исследователь должен быть уверен, что он не введен в заблуждение оптическими эффектами, ловкостью рук, рассеянным вниманием или неполным воспоминанием об увиденном.</p>

<p>Контролируемые наблюдения и эксперименты</p>	<p>1. Позволяют изучать предполагаемые парапсихологические феномены и их взаимосвязь с другими переменными в контексте таких культовых ритуалов и практик, как дивинация, медиумический транс и целительство.</p> <p>2. П.В. Гислер: «Дополняя данные «парапсихологии в процессе» релевантной этнографической информацией и обеспечивая тем самым меру надежности подхода «парапсихологии в процессе» в каждом конкретном случае, можно будет получать более полное и более целостное описание парапсихологических феноменов и психокультурных условий, в которых они имеют место».</p>	<p>1. Живой опыт шамана может быть искажен, а любые эффекты, не поддающиеся обычному объяснению, могут считаться подлинными при условии соблюдения нескольких мер предосторожности.</p> <p>2. Трудность осуществления на практике.</p> <p>Проблемы, возникающие при работе в полевых условиях (по Й. Лонгу):</p> <p>1. В отношении аномальных явлений антропологи часто занимают позицию либо крайнего скептицизма, либо чрезмерной доверчивости, что может мешать наблюдениям.</p> <p>2. Верификация необычных событий осложняется неадекватностью полевых заметок, отсутствием других наблюдателей или других документальных материалов (кино- и видеосъемок, физических артефактов).</p> <p>3. Недостаточное знание принципов, необходимых для строго научного исследования аномальных явлений.</p>	<p>1. До начала наблюдения и эксперимента следует записать его процедуру в письменной форме и предоставить это описание для конструктивной критики.</p> <p>2. Необходимо изолировать субъект от «цели» (например, от предмета, который предполагается отождествить с помощью ясновидения, телепатии, а также предвидения или изменить посредством психокинеза), чтобы исключить сенсорные сигналы и ненамеренную моторную деятельность.</p> <p>3. Следует проследить, чтобы человек, ведущий протокол (т.е. фиксирующий ответы, число «попаданий» и поведение), не обладал информацией, полезной для субъекта, что могло повлиять на его ответы или поведение.</p> <p>4. Необходимо использовать метод случайного выбора «цели», когда предмет, который будет задействован в исследовании, выбирается из «пула» нескольких потенциальных «целей».</p>
---	---	--	---

		<p>5. Предстоит решить, сколько будет проведено пробных попыток, прежде чем начнется наблюдение или эксперимент.</p> <p>6. Субъектов, набравших высокое число очков, следует проверить в нескольких лабораториях; так же надо поступить с перспективными исследованиями, чтобы реплицировать прежние результаты.</p> <p>7. Необходимо принять должные меры безопасности, которые позволяют предотвратить случайное или сознательное изменение данных наблюдения или эксперимента.</p> <p>8. Если ученый предполагает наличие ловкого фокуса, ему необходимо предложить хотя бы один правдоподобный сценарий, проконсультироваться с профессиональными фокусниками или включить их в исследовательскую группу.</p>
--	--	---

С. Криппнер придерживается мнения, что изучение аномальных явлений в практике шаманов будет плодотворнее, если исследователям удастся достичь взаимопонимания с шаманами. «Исследование шаманизма... открывает уникальную возможность понять многогранные способности шаманов», – пишет он. «К сожалению, эта возможность упускалась многие десятилетия, но, может быть, теперь эта ситуация изменится» [28: 55]. Этот вывод справедлив и в отношении обско-угорских народов, углубленное исследование магико-мистических практик которых ждут своего часа.

На русский язык переведены три книги С. Криппнера, написанные им в соавторстве. Это «Сновидения и творческий подход к решению проблем» [29], «Сновидение: иная реальность» [30], где представлена совмещенная типология необыкновенных сновидений, а также отчеты сновидцев, исследования и практические методы работы с необыкновенными сновидениями. И «Шаман по имени Рокочущий Гром» [31], посвященная удивительному человеку, шаману-целителю, активно участвовавшему в общественной жизни Америки 1960–1980х гг. Концепция этих книг позволяет также

по-новому взглянуть на подобные, описываемые сегодня и других традиционных сываемые С. Криппнером явления в культурах.

Литература

1. Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком 1715. Новосибирск: Новосибгиз, 1941. 107 с.
2. Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. В 3 т. Т.1 М.: Либерия, 1995. 376 с.
3. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. и публ. д-ра наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – С. 159–158.
4. Fokos D.R. Osztjak (chanti) hősénekek. Reguly A. és Papay J. hagyatéka. III. Kötet (1. Füzet). Zsirai M. hagyatékából közzéteszi Fokos D. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. P. 7–12.
5. Волдина Т.В. Изучение духовной культуры обских угров в НИИ угроведения (г. Ханты-Мансийск) // Сакральное глазами «профанов» и «посвященных». Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического конгресса. Москва. 21–30 июня 2004 г. М., 2004. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Том 10, часть 1). – С. 97–101.
6. Лукина Н.В. Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 348 с.
7. Волдина Т.В. Представления о перевоплощении душ в традиционной культуре казымских хантов (проблемы записи и интерпретаций сакральных сведений) // Этнографическое обозрение. 2010. – № 3. С. 32–43.
8. Харитоновна В.И. Медицинская антропология на Западе и в России // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 3–10.
9. Питерская Е.С. Антропология сознания и медицинская антропология: пересечение интересов или возможности взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 21–31.
10. Грининг Т. История и задачи гуманистической психологии // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 161–167.
11. Криппнер Стэнли [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Криппнер,_Стэнли (дата обращения: 22.04.2015).
12. Криппнер С. Методы психологического исследования и сообщения об аномальных явлениях в практике шаманов // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 1. – С.46–55.
13. Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов. Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического семинара-конференции. Москва – Республика Алтай: 6–15 июля 2003 г. / Подгот. стенграммы, сост. и подгот. тома В.И. Харитоновой. М., 2004. 290 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Том 9, часть 1).
14. Сакральное в традиционной культуре: методология исследования, методы фиксации и обработки полевых, лабораторных, экспериментальных материалов. Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического семинара-конференции. Москва – Республика Алтай: 6–15 июля 2003 г. / Подгот. стенграммы, сост. и подгот. тома В.И. Харитоновой. М., 2004. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Том 9, часть 2).
15. Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического конгресса «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных”». Москва, 21–30 июня 2004 г. / Сост. и подгот. Тома В.И. Харитоновой, Е.С. Питерской. М., 2004. – 315 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Том 10, часть 1).
16. Материалы Международного интердисциплинарного научно-практического конгресса «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных”». Москва, 21–30 июня 2004 г. / Сост.

- и подгот. Тома В.И. Харитоновой, Е.С. Питерской. М., 2004. – 328 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Том 10, часть 2).
17. Специальная тема номера «“Свой” этнограф в российском “сакральном” поле» // Этнографическое обозрение – 2010. – № 3. – С. 3–65.
 18. Специальная тема номера «Теоретические проблемы в исследовании шаманизма» // Этнографическое обозрение – 2007. – № 1. – С. 3–69.
 19. Криппнер Стэнли [Электронный ресурс] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Криппнер,_Стэнли (дата обращения: 22.04.2015)
 20. Криппнер С. Методы психологического исследования и сообщения об аномальных явлениях в практике шаманов // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 1. – С.46–55.
 21. Стэнли Криппнер Официальный сайт [Электронный ресурс] // URL: <http://stanleykrippner.weebly.com/> (дата обращения: 22.04.2015)
 22. Криппнер С. Духовные измерения психотерапии и целительства // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 118–133.
 23. Питерская Е.С. Антропология сознания и медицинская антропология: пересечение интересов или возможности взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 21–31.
 24. Криппнер С. Призвание – исцелять: элементы шаманизма в практике бразильских духовных целителей // Шаманский дар. К 80-летию доктора исторических наук Анны Васильевны Смоляк / Отв. ред. В.И. Харитонов. М., 2000. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Том 6). – С.120–145.
 25. Криппнер С. Методы психологического исследования и сообщения об аномальных явлениях в практике шаманов // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 1. – С.46–55.
 26. Питерская Е.С. Антропология сознания и медицинская антропология: пересечение интересов или возможности взаимодействия // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 3. – С. 21–31.
 27. Криппнер С. Духовные измерения психотерапии и целительства // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 118–133.
 28. Криппнер С. Методы психологического исследования и сообщения об аномальных явлениях в практике шаманов // Этнографическое обозрение. – 2007. – № 1. – С.46–55.
 29. Криппнер С., Диллард Д. Сновидения и творческий подход к решению проблем / Пер. с англ. В. Рогова. М.: Изд-во Трансперсонального института, 1997. – 256 с.
 30. Криппнер С., Богзаран Ф., де Карвальо А.П. Сновидение: иная реальность (научно-популярное изд.) / Пер. с англ. В. Ремизовой. М.: Постум, 2011. 272 с.
 31. Криппнер С., Сидиан Утренняя Звезда Джонс. Шаман по имени Рокочущий Гром / Пер. с англ. В. Ремизовой. М.: Постум, 2012. 288 с.

References

1. Novickij G. Kratkoe opisanie o narode ostjackom 1715. Novosibirsk: Novosibgiz, 1941. 107 s.
2. Dunin-Gorkavich A.A. Tobol'skij Sever. Jetnograficheskiy ocherk mestnyh inorodcev. V 3 t. T.1 M.: Liberija, 1995. 376 s.
3. Alkvist A. Sredi hantov i mansi. Putevye zapisi i jetnograficheskie zametki / Per. s nem. i publ. d-ra nauk N.V. Lukinoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1999. – S. 159–158.
4. Fokos D.R. Osztyak (chanti) hösénekek. Reguly A. és Papay J. hagyatéka. III. Kötet (1. Füzet). Zsirai M. hagyatékából közléteszi Fokos D. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1963. P. 7–12.
5. Voldina T.V. Izuchenie duhovnoj kul'tury obskih ugrov v NII ugrovedenija (g. Hanty-Mansijsk) // Sakral'noe glazami «profanov» i «posvjashhennyh». Materialy Mezhdunarodnogo interdisciplinarnogo nauchno-prakticheskogo kongressa. Moskva. 21–30 ijunja 2004 g. M., 2004. (Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. Tom 10, chast' 1). – S. 97–101.

6. Lukina N.V. Nauka kak forma obshhestvennogo razvitiya severnyh jetnosov. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2002. 348 s.
7. Voldina T.V. Predstavlenija o perevoploshhenii dush v tradicionnoj kul'ture kazymskih hantov (problemy zapisi i interpretacij sakral'nyh svedenij) // *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2010. – № 3. S. 32–43.
8. Haritonova V.I. Medicinskaja antropologija na Zapade i v Rossii // *Jetnograficheskoe obozrenie*. – 2011. – № 3. – S. 3–10.
9. Piterskaja E.S. Antropologija soznaniya i medicinskaja antropologija: peresechenie interesov ili vozmozhnosti vzaimodejstvija // *Jetnograficheskoe obozrenie*. – 2011. – № 3. – S. 21–31.
10. Grining T. Istorija i zadachi gumanisticheskoj psihologii // *Voprosy psihologii*. – 1988. – № 4. – S. 161–167.
11. Krippner Stjenli [Jelektronnyj resurs] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Krippner,_Stjenli (data obrashhenija: 22.04.2015).
12. Krippner S. Metody psihologicheskogo issledovanija i soobshhenija ob anomal'nyh javlenijah v praktike shamanov // *Jetnograficheskoe obozrenie*. – 2007. – № 1. – S.46–55.
13. Sakral'noe v tradicionnoj kul'ture: metodologija issledovanija, metody fiksacii i obrabotki polevyh, laboratornyh, jeksperimental'nyh materialov. Materialy Mezhdunarodnogo interdisciplinarnogo nauchno-prakticheskogo seminar-konferencii. Moskva – Respublika Altaj: 6–15 ijulja 2003 g. / Podgot. stengrammy, sost. i podgot. toma V.I. Haritonovoj. M., 2004. 290 s. (Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. Tom 9, chast' 1).
14. Sakral'noe v tradicionnoj kul'ture: metodologija issledovanija, metody fiksacii i obrabotki polevyh, laboratornyh, jeksperimental'nyh materialov. Materialy Mezhdunarodnogo interdisciplinarnogo nauchno-prakticheskogo seminar-konferencii. Moskva – Respublika Altaj: 6–15 ijulja 2003 g. / Podgot. stengrammy, sost. i podgot. toma V.I. Haritonovoj. M., 2004. (Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. Tom 9, chast' 2).
15. Materialy Mezhdunarodnogo interdisciplinarnogo nauchno-prakticheskogo kongressa «Sakral'noe glazami “profanov” i “posvjashhennyh”». Moskva, 21–30 ijunja 2004 g. / Sost. i podgot. Toma V.I. Haritonovoj, E.S. Piterskoj. M., 2004. – 315 s. (Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. Tom 10, chast' 1).
16. Materialy Mezhdunarodnogo interdisciplinarnogo nauchno-prakticheskogo kongressa «Sakral'noe glazami “profanov” i “posvjashhennyh”». Moskva, 21–30 ijunja 2004 g. / Sost. i podgot. Toma V.I. Haritonovoj, E.S. Piterskoj. M., 2004. – 328 s. (Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. Tom 10, chast' 2).
17. Special'naja tema nomera «“Svoj” jetnograf v rossijskom “sakral'nom” pole» // *Jetnograficheskoe obozrenie* – 2010. – № 3. – S. 3–65.
18. Special'naja tema nomera «Teoreticheskie problemy v issledovanii shamanizma» // *Jetnograficheskoe obozrenie* – 2007. – № 1. – S. 3–69.
19. Krippner Stjenli [Jelektronnyj resurs] // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Krippner,_Stjenli (data obrashhenija: 22.04.2015).
20. Krippner S. Metody psihologicheskogo issledovanija i soobshhenija ob anomal'nyh javlenijah v praktike shamanov // *Jetnograficheskoe obozrenie*. – 2007. – № 1. – S.46–55.
21. Stenli Krippner Ofic sajt [Jelektronnyj resurs] // URL: <http://stanleykrippner.weebly.com/> (data obrashhenija: 22.04.2015)
22. Krippner S. Duhovnye izmerenija psihoterapii i celitel'stva // *Voprosy psihologii*. – 1994. – № 6. – S. 118–133.
23. Piterskaja E.S. Antropologija soznaniya i medicinskaja antropologija: peresechenie interesov ili vozmozhnosti vzaimodejstvija // *Jetnograficheskoe obozrenie*. – 2011. – № 3. – S. 21–31.
24. Krippner S. Prizvanie – isceljat': jelementy shamanizma v praktike brazil'skih duhovnyh celitelej // *Shamanskij dar. K 80-letiju doktora istoricheskikh nauk Anny Vasil'evny Smoljak* / Otv. red. V.I. Haritonova. M., 2000. (Jetnologicheskie issledovanija po shamanstvu i inym tradicionnym verovanijam i praktikam. Tom 6). – S.120–145.

25. Krippner S. Metody psihologičeskogo issledovanija i soobshhenija ob anomal'nyh javlenijah v praktike shamanov // Jetnografičeskoe obozrenie. – 2007. – № 1. – S.46–55.
26. Piterskaja E.S. Antropologija soznanija i medicinskaja antropologija: peresečenie interesov ili vozmožnosti vzaimodejstvija // Jetnografičeskoe obozrenie. – 2011. – № 3. – S. 21–31.
27. Krippner S. Duhovnye izmerenija psihoterapii i celitel'stva // Voprosy psihologii. – 1994. – № 6. – S. 118–133.
28. Krippner S. Metody psihologičeskogo issledovanija i soobshhenija ob anomal'nyh javlenijah v praktike shamanov // Jetnografičeskoe obozrenie. – 2007. – № 1. – S.46–55.
29. Krippner S., Dillard D. Snovidenija i tvorčeskij podhod k rešeniju problem / Per. s angl. V. Rogova. M.: Izd-vo Transpersonal'nogo instituta, 1997. – 256 s.
30. Krippner S., Bogzaran F., de Karval'o A.P. Snovidenie: inaja real'nost' (naučno-populjarnoe izd.) / Per. s angl. V. Remizovoj. M.: Postum, 2011. 272 s.
31. Krippner S., Sidian Utrennjaja Zvezda Dzhons. Shaman po imeni Rokochushhij Grom / Per. s angl. V. Remizovoj. M.: Postum, 2012. 288 s.